

Н.А. Седова

СЛОВАРНЫЕ ДЕФИНИЦИИ ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЕЙ КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ О СОВЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ НАИМЕНОВАНИЙ ОДЕЖДЫ)

Рассматривается содержание словарных дефиниций наименований одного предмета одежды в разных толковых словарях русского языка советского периода. Выявляются типологические признаки предметов одежды как основания для сравнения содержания словарных дефиниций. Путем сопоставительного анализа содержания словарных дефиниций доказывается, что они являются источником информации о советской повседневности: определяются зоны пространства советской повседневности, о которых эксплицируется информация, объективированная информация содержательно структурируется.

Ключевые слова: толковый словарь; советская повседневность; одежда; словарная дефиниция; описание одежды; сопоставительный анализ.

Данное исследование представляет собой опыт рассмотрения толкового словаря как источника информации о советской повседневности, в частности о такой ее предметной сфере, как одежда. Предпринятое исследование имеет междисциплинарную природу, поскольку использует методологические наработки лингвосомиотики, антропологической и когнитивной лингвистики.

Начиная со второй половины XX в. в связи со сменой исследовательской парадигмы в гуманитарных науках одним из основных объектов их изучения становится человек как участник экономических, социальных, общественно-политических, культурных и коммуникативных процессов. Фокус внимания ученых-гуманитаристов перемещается с общества, глобальных и масштабных событий – революций, войн, политической борьбы и прочего – на микромир человека, обыденные и бытовые «вещи», которые его окружают и в которые он погружен. Интерес к сфере человеческой обыденности способствует появлению в гуманитарных исследованиях такой предметной области, как феномен повседневности.

Теоретико-методологическая база изучения феномена повседневности формировалась в недрах зарубежной и отечественной истории, культурологии, антропологии, социологии, философии, этнографии, семиотики, в работах таких исследователей, как П. Бергер, М. Блок, Ф. Бродель, П. Бурдьё, Г. Гарфинкель, Э. Гуссерль, Т. Лукман, А. Людке, Л. Февр, А. Щюц, А.Я. Гуревич, Л.Г. Ионин, И.Т. Касавин, Г.С. Кнабе, Н.Н. Козлова, М.М. Кром, В.Д. Лелеко, Ю.М. Лотман, И.Б. Орлов, Ю.А. Поляков, Н.Л. Пушкарёва, С.П. Щавелёв, Н.Л. Чулкина, И.Ф. Янушкевич [1. С. 8–29; 2. С. 6].

В течение последнего десятилетия феномен повседневности являлся востребованным объектом исследований отечественных историков (Л.А. Сазонова, 2009; А.А. Рогач, 2009; Н.В. Чаус, 2011; Т.Б. Бармина, 2010; А.В. Мордвинцева, 2010; Н.В. Обрезкова, 2011; Н.И. Баишев, 2016; С.Д. Багдасарян, 2017; В.М. Кореньюк, 2017), философов (С.Н. Боголюбова, 2009; И.В. Албаева, 2010; И.П. Полякова, 2011) и культурологов (Т.В. Глазкова, 2009; И.А. Манкевич, 2011). Лингвисты также не обошли вниманием сферу повсе-

дневности. В рамках лингвистических исследований можно говорить о двух подходах к изучению данного феномена: лингвокультурологическом и лингвосомиотическом. В соответствии с первым подходом информация о повседневной практике и субъективном опыте обрабатывается, структурируется и подводится под определенные единицы знания – концепты, фрагменты языковой картины мира и др. [3–5]. Второй подход базируется на позиционировании сферы повседневности как особого рода семиотической системы, пространство которой формируется с помощью комплекса вербальных и невербальных знаков [1, 6].

Анализ некоторого количества определений повседневности, раскрывающих ее сущность с точки зрения онтологического подхода – «бытовые навыки, свойственные человеку в его обыденной жизни, привычки, совокупность материальных вещей и духовных понятий, которые он использует практически каждодневно» [7. С. 117]; «совокупность привычных социальных взаимодействий, укладов жизни, правил обихода, это – ткань человеческих отношений» [8. С. 9]; «процесс жизнедеятельности индивидов, развертывающийся в привычных общеизвестных ситуациях на базе самоочевидных ожиданий» [9. С. 122], – позволяет выделить следующие интегральные признаки повседневности:

- 1) безусловная необходимость для каждого человека;
- 2) повторяемость, доходящая до цикличности / ритмичности времени и обыденных событий;
- 3) замкнутость;
- 4) консервативность обыденных начал жизни и форм культуры;
- 5) усредненность, соразмерность «рядовому человеку»;
- 6) массовидность распространения обыденных феноменов;
- 7) отнесенность к частной жизни, приватному, противопоставленность публичному, официальному, институционализованному [10. С. 15–17].

По мнению С.Б. Кожевникова, повседневность «имплицитно обладает смысловыми структурами, схемами регламентации, системами оценок и предпочтений» [11. С. 37–38], что делает возможным ее

рассмотрение как организованной системы, поддающейся структурированию и теоретическому описанию. К настоящему времени исследователями феномена повседневности разработаны варианты теоретической модели / семиосферы / концептосферы повседневности.

Так, В.Д. Лелеко считает, что теоретическая модель повседневности должна включать вещно-предметный ряд, событийный ряд и набор сценариев поведения, повседневных ритуалов, предполагающих гендерную и возрастную дифференциацию [12. С. 100].

Е.В. Плетнёва описывает фрагменты русской и французской языковых картин мира, метафорически отражающих повседневность в пределах понятийных сфер «Гастрономия», «Костюм», «Интерьер» [4].

Модель мира повседневности носителей русского языка, по мнению Н.Л. Чулкиной, формируется совокупностью констант-концептов повседневности, которые занимают ядерное или периферийное положение в языковом сознании русских. Автор считает, что концептосфера повседневности в сознании носителей русского языка включает такие концепты, как дом / жилище (квартира, кухня, дача); семья; работа, учеба; отдых, досуг, развлечения; социальные роли, маски (начальник); «вещный мир» (предметы мебели); типичные ситуации (пребывание дома / на работе / на отдыхе, в транспорте, в школе, поездка на дачу, работа на даче и пр.) [5. С. 132–232].

Н.И. Курганова, моделируя концептосферу повседневности, считает, что процесс ее структурирования «должен осуществляться на основе *параметров*, соразмерных человеку и человеческой жизни» [3. С. 89]. К последним, по мнению автора, относятся временная ось; пространственная ось; тип отношений между людьми, различными социальными и профессиональными группами; витальные потребности, а модель концептосферы выглядит следующим образом:

1. Временная ось: СЕМЬЯ, ШКОЛА, РАБОТА.
2. Пространственная ось: ДОМ, РОДИНА, МИР.
3. Ось взаимоотношений: СЕМЬЯ, ДРУЗЬЯ, ЧУЖИЕ.
4. Ось витальных ценностей: ДОМ / ЖИЛИЩЕ, ОДЕЖДА, ЕДА [3. С. 89].

И.А. Манкевич отмечает, что «без особых оговорок к “повседневному” можно отнести только то, без чего человек не может обойтись ни дня без потерь для себя в физическом, интеллектуальном и нравственном отношениях. <...> Но в общем случае – это воздух, еда, одежда, дом, общение с внешним миром» [2. С. 53].

С.В. Воробьёва, изучая способы представления концептосферы повседневности в английской лингвокультуре эпохи позднего Средневековья, констатирует, что концептуальное пространство повседневности состоит из двух уровней – макро- и микросреды. Макросреда повседневности отражает отношения человека с внешним миром и репрезентируется концептами WORK, LEISURE, WAR, FAITH; микросреда (внутриличностный и внутрисемейный мир человека) – концептами HOME, CLOTHES, FOOD [1].

Анализ точек зрения на содержательное наполнение сферы повседневности позволяет выделить в ее структуре предметно-вещную, деятельностно-

событийную и личностно-функциональную составляющие. На вещно-предметном уровне сферы повседневности типичным и обязательным предстает такой элемент, как одежда, поэтому ее выбор как предметной сферы исследования считаем очевидным и обоснованным.

Р. Барт указывает на существование трех ипостасей одежды: одежда-образ, отображенная на фотографиях или рисунках; одежда-описание – одежда, описанная, преображенная в речь; реальная одежда, являющаяся моделью, прототипом для первых двух видов [13. С. 24–25]. Изучение описания одежды как «технического средства, служащего для иллюзорного превращения вещей в язык» [13. С. 29], позволяет проследить, как язык участвует в оязыковлении «вещной» картины мира на уровне такого сегмента, как вестиментарная система.

Процесс и результат вербализации мира вещей и вестиментарной системы как его части зафиксирован в таких текстовых источниках, как периодические издания; источники личного происхождения / эго-документы (дневники, письма, мемуары, свидетельства, воспоминания современников и очевидцев событий); тексты художественной литературы и фольклора; устные свидетельства, интервью и пр. [14. С. 54–55; 15. С. 19–24; 16. С. 24–31]. Вышеприведенный перечень источников можно расширить, включив в него такой вид текста, как толковый словарь. Традиционно он считается необходимой эмпирической базой лингвистических исследований, выполненных в русле системно-структурного подхода. Однако смена научной парадигмы в лингвистике предоставила возможность рассматривать его не просто как способ фиксации основных понятийных сфер действительности, но и как квант информации, средство хранения и трансляции накопленных и обработанных человеком знаний об окружающем мире, результат вербальной концептуализации мировоззренческих категорий и культурно-исторических реалий. «Каждый толковый словарь отражает свое время. Описывая лексический состав языка определенной эпохи, словари отражают и ее философию, идеологию, совокупность этических ценностей, присущих носителям языка в период создания каждого из них. Каждая новая эпоха, связанная со значительными общественно-политическими и экономическими изменениями, требует своих словарей <...>» [17. С. 54].

Известно, что толковый словарь представляет собой корпус словарных статей, каждая из которых обычно состоит из таких информативных зон, как лексический вход, грамматическая информация, стилистические пометы, дефиниция, языковые иллюстрации. В части передачи информации о мире вещей наиболее открыты такие зоны, как стилистические пометы, языковые иллюстрации и дефиниции, эксплицирующие семантическое содержание лексем.

Словарные дефиниции наименований одежды в толковых словарях русского языка советского периода находятся в центре предпринятого исследования и выступают его объектом. Предмет – качественно-количественное содержание словарных дефиниций наименований одежды в толковых словарях русского

языка советского периода. Целью исследования является экспликация информации о советской повседневности на уровне такого элемента, как одежда, путем сопоставительного анализа качественного и количественного содержания словарных дефиниций наименований одного предмета одежды в разных толковых словарях русского языка советского периода.

При выполнении исследования основными методами были такие, как метод лексикографического анализа (для выявления качественно-количественного содержания словарных дефиниций наименований одежды); дифференциальный анализ, предполагающий методику сопоставлений (для сопоставительного анализа качественно-количественного содержания словарных дефиниций наименований одного предмета одежды в разных толковых словарях); метод интерпретации (для авторского истолкования и объяснения результатов сопоставительного анализа качественно-количественного содержания словарных дефиниций наименований одежды).

Источниковой базой исследования выступают толковые словари русского языка, изданные в советский период отечественной истории: Толковый словарь русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова (СУ) [18], Словарь современного русского литературного языка в 17 т. (БАС) [19], Словарь русского языка в 4 т. (МАС) [20], Словарь русского языка С.И. Ожегова (СО) [21]. В ряде случаев для сопоставительного анализа привлекается словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х гг. «Новые слова и значения» (НСЗ-60) [22].

Материалом исследования являются 479 субстантивных лексем, именующих 160 предметов одежды, которые отобраны методом сплошной выборки из вышеуказанных толковых словарей. Лексема отбиралась при наличии в словарной дефиниции инвариантной лексемы-маркера *одежда* (например, *юбка* – «женская *одежда*, облегчающая фигуру от талии книзу» [20. Т. 4. С. 773] (*юбка* ← *одежда*); *куртка* – «короткая верхняя *одежда* на застежке» [21. С. 316] (*куртка* ← *одежда*)) или лексем, отстоящих от инвариантной лексемы *одежда* на расстоянии одного шага в родо-видовой цепочке: *костюм, кофта, куртка, пальто, перчатка, платье, рубашка, штаны, шуба, чулок* (например, *ветровка* – «*куртка* из плотной ткани для защиты от ветра» [21. С. 81] (*ветровка* ← *куртка* ← *одежда*); *рукавица* – «род *перчаток* с одним пальцем (для большого пальца руки); варежки» [20. Т. 3. С. 739] (*рукавица* ← *перчатка* ← *одежда*); *сарафан* – «3. Легкое женское *платье* без рукавов» [19. Т. 13. С. 185] (*сарафан* ← *платье* ← *одежда*)).

Таким образом, аналитическая логика работы, основанная на сопоставительном анализе словарных дефиниций наименований одного предмета одежды в разных толковых словарях советского периода, позволяет из горизонтальной плоскости исследования одного словаря переместиться в вертикально-хронологическую плоскость, проследить изменчивость / неизменяемость содержательного наполнения словарных дефиниций наименований одежды в разных словарях и на этой основе реконструировать устойчивые зоны или трансформации пространства

повседневности советского человека на уровне тех сфер, которые коррелируют с одеждой.

Словарная дефиниция рассматривается нами как разновидность описания предметов одежды, как результат вербализации вестиментарного кода. В ней, с одной стороны, отражается упрощенное представление о предмете одежды, содержащее указание на небольшое количество отобранных типологических признаков, с другой – это количество признаков является достаточным, чтобы идентифицировать предмет одежды и отличить его от другого.

Словарные дефиниции наименований одежды в толковых словарях аккумулируют типологические признаки, характеризующие предметы одежды с разных сторон:

- субъект ношения (*по возрасту*: взрослый / ребенок; *по полу*: мужчина / женщина);
- функциональное назначение (защита от дождя / защита от пыли / защита от ветра);
- сфера использования (гражданская / форменная / рабочая / домашняя / праздничная / спортивная);
- материал изготовления (*по составу*: хлопок / шерсть / мех / кожа / парусина / бархат / трикотаж / сукно / полотно; *по структуре*: легкий / плотный / жесткий / тонкий / мягкий; *по цвету*: красный, белый, хаки, серый, синий с белым; *по рисунку*: в клетку / в полоску);
- особенности фасона (*по силуэту*: узкий / широкий / облегчающий / свободный / в талию / сборчатый; *по длине*: выше колен / до колена / выше бедра / до середины икры; *по наличию деталей и отделки*: застежка / манжеты / воротник / карманы / без рукавов / бретели / пояса);
- способ изготовления (шитая / вязаная / стеганая);
- способ ношения (самостоятельный предмет одежды / часть ансамбля одежды);
- положение по отношению к другой одежде (верхняя / нижняя).

При сопоставительном анализе изменения качественного и количественного наполнения словарных дефиниций наименований одежды наиболее четко обнаруживаются на уровне таких типологических признаков одежды, как «Сфера использования одежды», «Субъект ношения одежды (по гендерному признаку)», «Особенности фасона одежды».

Типологический признак «Сфера использования одежды», а точнее его качественно-содержательное наполнение, информирует о том, в какой сфере она используется и для какого вида деятельности предназначена, например:

– *футболка* – «тонкая трикотажная *спортивная* рубашка с отложным воротником и короткими рукавами» [18. Т. 4. С. 1126]; «*спортивная* трикотажная рубашка с отложным воротником» [19. Т. 16. С. 1601]; «трикотажная *спортивная* рубашка» [20. Т. 4. С. 588]; «*спортивная* трикотажная рубашка с рукавами» [21. С. 856];

– *халат* – «2. Одежда такого покроя, обычно *домашняя*, для больных и т.п. 3. Широкая одежда такого покроя, надеваемая *во время работы* поверх обычного платья» [18. Т. 4. С. 1130]; «3. *Производственная* одежда свободного покроя, надеваемая во время ра-

боты поверх обычного платья» [19. Т. 17. С. 13]; «2. Одежда, обычно *домашняя или производственная*, запахивающаяся спереди или сзади» [20. Т. 4. С. 590]; «*домашняя и рабочая* одежда, запахивающаяся или застегивающаяся сверху донизу...» [21. С. 857];

– *фрак* – «род сюртука с вырезанными спереди полами и длинными узкими фалдами сзади» [18. Т. 4. С. 1112]; «*парадный* сюртук с вырезанными спереди полами и длинными фалдами сзади» [19. Т. 16. С. 1546]; «род *парадного* сюртука с вырезанными спереди полами и длинными узкими фалдами сзади» [20. Т. 4. С. 582]; «род *парадного* сюртука с вырезанными спереди полами и длинными узкими фалдами сзади» [21. С. 855].

Интерпретация. Результаты анализа словарных дефиниций наименований одежды, в которых актуализируется типологический признак «Сфера использования одежды», позволяют реконструировать круг основных сфер повседневной деятельности советского человека: работа (халат); спорт (майка, плавки, тенниска, трусы, футболка); дом (пеньюар, пижама, тужурка, халат); выход в свет (наряд, фрак). Исходя из количества номинируемости реалий, можно предположить, что популярным видом досуговой деятельности советского человека являлся спорт. Самой низкой номинативной плотностью характеризуется такая сфера использования одежды, как выход в свет. В качестве парадной, праздничной одежды позиционируется лишь фрак. К слову, в словарях имеется лексема *наряд*, которая именует праздничную, нарядную одежду недифференцированно, обобщенно: наряд – «одежда (преимущественно женская), костюм; то, во что рядятся, наряжаются» [18. Т. 2. С. 418]; «одежда, то, во что одеваются (лучшая, праздничная)» [19. Т. 7. С. 468]; «то, во что наряжаются; одежда» [20. Т. 2. С. 391]; «2. Красивая, нарядная одежда» [21. С. 390]. Тема праздника хотя и присутствует в языковом сознании советского человека, однако детально не осмысливается. Возможно, праздничное времяпрепровождение было не популярно, не одобрялось в обществе, для него не было поводов, на него не оставалось времени.

Анализ качественно-содержательного наполнения типологического признака «Сфера использования одежды» в лексикографическом описании предметов одежды, являющихся элементом военной формы основных частей вооруженных сил Советского государства (военнослужащих и моряков), объективирует оппозицию военная – гражданская одежда. Наименования военной одежды составляют относительно большую группу лексических единиц (бушлат, гимнастерка, китель, матроска, мундир, тельник / тельняшка, форменка, френч, шинель):

– *бушлат* – «*матросский* балахон из парусины» [18. Т. 1. С. 211]; «род верхней одежды *моряков*, куртка особого покроя» [19. Т. 1. С. 714]; «*матросская* суконная куртка» [20. Т. 1. С. 128];

– *гимнастерка* – «род верхней рубашки с прямым воротом, принятой в *войсках* как *форменная* одежда» [18. Т. 1. С. 560]; «верхняя рубашка с прямым воротом, принятая как *военная форменная* одежда» [19. Т. 3. С. 102]; «верхняя рубашка из плотной ткани с прямым воротом, принятая как *военная форма*» [20. Т. 1. С. 310]; «верхняя рубашка из плотной ткани,

обычно с прямым стоячим воротом, принятая в Советской армии до 1969 г. как *военная форменная* одежда» [21. С. 134];

– *френч* – «куртка *военного* образца с четырьмя нашитыми снаружи большими карманами, носимая с ременным поясом» [18. Т. 4. С. 1117]; «*военная* куртка в талию с четырьмя накладными карманами и хлястиком сзади» [19. Т. 16. С. 1563]; «куртка *военного* образца в талию с четырьмя наружными накладными карманами и хлястиком сзади» [20. Т. 4. С. 584]; «куртка *военного* образца в талию, с четырьмя большими накладными карманами (на груди и боках)» [21. С. 855].

Интерпретация. Высокая номинативная плотность военной сферы использования одежды (ни одна другая сфера использования одежды (досуг, праздник, работа и пр.) не номинирована в такой степени) и видовое разнообразие форменной одежды – куртка (бушлат, китель, форменка, френч), рубашка (гимнастерка, матроска, тельник / тельняшка), пальто (шинель) – свидетельствуют о детальном осмыслении этого фрагмента действительности, а значит, о важности данной сферы для Советского государства и общества: на уровне государственных интересов военная сфера и соответственно военные «профессии» являются стратегически важными / данные «профессии» популярны и востребованы в советском обществе / данные «профессии» являются почетными.

Анализ количественного содержания лексикографического описания одного предмета одежды в разных словарях на уровне типологического признака «Сфера использования одежды» фиксирует процессы трансформации словарных дефиниций за счет появления или, напротив, элиминации данного типологического признака, объективируя изменение сферы использования одежды в действительности.

Так, в БАС и более поздних словарях в словарной дефиниции лексемы *фрак* появляется новый типологический признак – «парадный», указывающий на изменение статуса фрака с точки зрения сферы использования: из повседневной одежды он превращается в парадную, в то время как в СУ сфера использования этого предмета одежды не была дифференцирована:

– *фрак* – «род сюртука с вырезанными спереди полами и длинными узкими фалдами сзади» [18. Т. 4. С. 1112]; «*парадный* сюртук с вырезанными спереди полами и длинными фалдами сзади» [19. Т. 16. С. 1546]; «род *парадного* сюртука с вырезанными спереди полами и длинными узкими фалдами сзади» [20. Т. 4. С. 582]; «род *парадного* сюртука с вырезанными спереди полами и длинными узкими фалдами сзади» [21. С. 855].

Противоположная тенденция наблюдается в отношении словарной дефиниции лексемы *мундир*, которая именует предмет одежды, изначально носившийся как парадный. В словарных дефинициях МАС и СО наблюдается элиминация типологического признака, актуализирующего сферу использования одежды:

– *мундир* – «военная или гражданская *форменная парадная* одежда с золотым или серебряным шитьем» [18. Т. 2. С. 279]; «форменная, обычно *парадная*

одежда» [19. Т. 6. С. 1386]; «военная или гражданская форменная одежда (для верхней части тела)» [20. Т. 2. С. 311]; «военная или гражданская форменная одежда» [21. С. 367].

В более поздних лексикографических источниках (ср. БАС – МАС, СО) в словарных дефинициях лексем *майка* и *тенниска* изменяется количество типологических признаков в сторону уменьшения: утрачивается признак, указывающий на специальную, узкую сферу использования этих предметов одежды:

– *майка* – в СУ лексема отсутствует; «летняя спортивная трикотажная рубашка без рукавов» [19. Т. 6. С. 500]; «трикотажная рубашка без рукавов и воротника с большим вырезом» [20. Т. 2. С. 216]; «трикотажная, обычно нижняя, рубашка без рукавов и воротника (первоначально спортивная)» [21. С. 337];

– *тенниска* – в СУ лексема отсутствует; «спортивная рубашка с короткими рукавами, обычно трикотажная» [19. Т. 15. С. 278]; «легкая верхняя рубашка с короткими рукавами, обычно трикотажная» [20. Т. 4. С. 353]; «легкая верхняя рубашка с короткими рукавами, обычно трикотажная» [21. С. 792].

Интерпретация. Изменение количественного состава словарных дефиниций объективирует трансформации экстралингвистической природы, происходящие в мире людей, общества, в частности появление новых потребностей, изменение жизненного уклада советского человека и т.п.

Так, ускорение темпа и ритма жизни, появление новых видов деятельности могли стать причиной деактуализации особого фасона фрака (который, к слову, со временем не поменялся), ставшего непригодным к ежедневной носке, из разряда повседневной одежды перешедшего в разряд парадной – одежды, надеваемой по особому случаю.

В отношении словарной дефиниции лексемы *мундир* примечательно, что одновременно с типологическим признаком «Сфера использования одежды» из нее исчезает типологический признак «Особенности фасона одежды (по наличию деталей и отделки)» – указание на декоративное украшение мундира золотым и серебряным шитьем. Возможно, получив более скромное внешнее оформление, лишившись декоративных элементов, мундир демократизировался, оставшись форменной военной или гражданской одеждой, но для повседневной носки.

Деспециализация, расширение сферы использования спортивной одежды репрезентирует социальные новации: спорт перестает быть приоритетной сферой досуговой деятельности советских людей / данные предметы одежды по причине их практичности и удобства начинают надевать не только для занятий спортом, но и для повседневной носки / меняются модные тенденции в одежде: появляется спортивный стиль.

Типологический признак «Субъект ношения одежды (по гендерному признаку)» наполнен информацией о гендерной маркировке одежды и в словарных дефинициях эксплицируется лексемами *мужской* и *женский*.

В более поздних лексикографических источниках (МАС и СО) в словарных дефинициях лексем *куртка*

и *брюки* сопоставительный анализ их количественного содержания фиксирует элиминирование типологического признака, указывающего на гендерную принадлежность данных предметов одежды – только для мужчин. Если в словарной дефиниции гендерная принадлежность предмета одежды не актуализирована, то по умолчанию он может носиться представителями обоих полов:

– *куртка* – «короткая верхняя мужская одежда, застегивающаяся наглухо» [18. Т. 1. С. 1555]; «короткая, наглухо застегивающаяся верхняя мужская одежда» [19. Т. 5. С. 1880]; «короткая, наглухо застегивающаяся верхняя одежда» [20. Т. 2. С. 154]; «короткая верхняя одежда на застежке» [21. С. 316];

– *брюки* – «верхняя мужская одежда нижней половины тела, штаны» [18. Т. 1. С. 195]; «верхние мужские штаны общепринятого покроя» [19. Т. 1. С. 659]; «верхняя одежда, покрывающая ноги и нижнюю часть туловища» [20. Т. 1. С. 119]; «верхние штаны» [21. С. 66].

Интерпретация. Утрата словарной дефиницией типологического признака «Субъект ношения одежды (по гендерному признаку)» репрезентирует исчезновение строгой закреплённости предмета одежды за определенным субъектом ношения по гендерному признаку – мужчиной или женщиной, что может свидетельствовать как об изменениях в обществе, имеющих отношение к субъекту ношения одежды (перераспределение функциональной нагрузки на представителей полов в советском социуме в сторону повышения общественного статуса женщин, стирание различий между социальным положением и имиджем мужчины и женщины (ср.: брюки как символ маскулинности)), так и об изменениях, имеющих отношение к предмету одежды (изменение модных стандартов и трансформация модных тенденций в советском костюме как важнейшем элементе материальной культуры). Куртка и брюки как предметы одежды становятся универсальными, появляются в повседневном гардеробе и советских женщин.

Типологический признак «Особенности фасона одежды» актуализирует информацию о внешней форме предмета одежды, которая определяется кроем деталей и отделкой. Следует отметить, что данный типологический признак по сравнению с рассмотренными выше в меньшей степени соотносится с миром человека и характеризует предмет одежды как «вещь в себе». Вместе с тем сопоставительный анализ словарных дефиниций некоторых лексем все же позволяет эксплицировать информацию экстралингвистической природы.

Качественно-содержательное наполнение типологического признака «Особенности фасона одежды (по длине)» несет информацию о длине предмета одежды (выше колен / до колена / выше бедра / до середины икры и пр.), а при сопоставительном анализе словарных дефиниций – об изменении фасона одежды на уровне длины:

– *бикини* – в СУ, БАС, МАС лексема отсутствует; «женский купальный костюм, состоящий из бюстгалтера и трусов, не закрывающих бедра» [22. С. 72]; «женский купальный костюм: узкий бюстгалтер и плавки, не доходящие до талии» [21. С. 53];

– *шорты* – в СУ лексема отсутствует; «брюки до колен» [19. Т. 17. С. 1509]; «брюки выше колен» [20. Т. 4. С. 726]; «род коротких (не доходящих до колен) брюк» [21. С. 896].

Интерпретация: Изменение длины указанных предметов одежды обнаруживает тенденцию к увеличению / уменьшению обнаженных участков тела человека, что может репрезентировать появление новых веяний в моде (пляжной, досуговой, спортивной), а также изменение эстетических и морально-нравственных норм общества в плане укрепления / ослабления пуританских взглядов, образа или уклада жизни путем ее наполнения новыми видами деятельности.

В соответствии с лексикографическим описанием бикини 60-х гг. XX в. отличается от более позднего варианта этого предмета одежды высотой нижней части, которая в словарной дефиниции СО «подросла» на несколько сантиметров по вертикальной оси тела человека: предмет одежды, «не закрывающий бедра», воспринимается как более откровенный и смелый, чем предмет одежды, «не доходящий до талии».

Фасон шорт по длине, напротив, меняется в сторону укорачивания: до колен – выше колен – не доходящий до колен.

В словарных дефинициях лексемы *комбинезон* меняется качественно-содержательное наполнение типологического признака «Особенности фасона одежды (по наличию деталей и отделки)»:

– *комбинезон* – «производственный костюм, представляющий собой комбинацию куртки и брюк у авиаторов, шахтеров и др.» [18. Т. 1. С. 1419]; «производственный костюм, представляющий собой соединение куртки и брюк» [19. Т. 5. С. 1225]; «костюм, представляющий собой соединение куртки и брюк» [20. Т. 2. С. 81]; «костюм, представляющий собой соединение верхней части одежды и брюк» [21. С. 287].

Интерпретация. Если в более ранних словарях (СУ, БАС, МАС) в качестве верхней части комбинезона позиционировалась только куртка, то в СО его верхняя часть представлена недифференцированно, значит, в ее качестве могли выступать различные виды плечевых изделий – блузка, жилет, майка, рубашка, футболка. Разнообразие фасонов и многообразие вариантов конструирования комбинезона может свидетельствовать о трансформациях, имеющих место как в мире людей (появление новых потребностей и видов деятельности у членов общества), так и в мире одежды (появление новых модных практик).

Результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие выводы.

Сопоставительный анализ качественного и количественного содержания словарных дефиниций наименований одного предмета одежды в разных толковых словарях русского языка советского периода является способом экспликации информации о советской повседневности в тех ее зонах, которые в большей степени коррелируют с одеждой. Таких зон выделяется две – «Уклад и образ жизни советских людей» и «Социальные взаимодействия в советском обществе».

Содержательную основу словарных дефиниций наименований одежды составляют типологические признаки одежды, которые характеризуют ее с разных сторон и в разной же степени соотносятся с экстралингвистическими данными: одни интровертивны в том смысле, что содержат характеристику предмета одежды как «вещи в себе», другие, наоборот, «развернуты» к действительности и миру людей, общаются с ними, динамично реагируют своим качественным и количественным наполнением на изменения в реальности, а значит, являются источниками информации о ней. К последним относятся такие типологические признаки, как «Сфера использования одежды», «Субъект ношения одежды (по гендерному признаку)», «Особенности фасона одежды».

Сопоставительный анализ наполнения словарных дефиниций наименований одежды на уровне вышеперечисленных типологических признаков демонстрирует как устойчивость содержания словарной дефиниции, что эксплицирует представление о типизированных повседневных практиках, так и трансформацию лексикографического описания на уровне качественно-содержательного наполнения типологических признаков одежды или их количества, что репрезентирует динамические процессы в пространстве советской повседневности в тех ее зонах, которые соотносятся со сферой одежды.

Информацию о такой зоне пространства повседневности, как «Уклад и образ жизни советских людей», формируют словарные дефиниции наименований одежды с типологическими признаками «Сфера использования одежды» и «Особенности фасона одежды». В результате сопоставительного анализа их качественного и количественного содержания эксплицируется информация о зоне «Уклад и образ жизни советских людей» следующего порядка:

– определяются основные сферы повседневной деятельности советского человека (одежда для работы, спорта, дома, выхода в свет);

– выделяются приоритетные сферы деятельности, значимые для советского человека, общества и государства (высокая номинативная плотность и видовое разнообразие одежды для военной и спортивной сфер);

– отмечается изменение жизненного уклада советских людей за счет появления новых потребностей и видов деятельности, ускорения темпа и ритма жизни (расширение или изменение сферы использования одежды, демократизация сферы использования одежды, опрощение ее внешнего вида);

– наблюдаются изменение модных тенденций, появление, зарождение новых стилей и модных практик в одежде (расширение сферы использования одежды, изменение фасона, появление новых конструкций одежды);

– имеет место изменение эстетических и морально-нравственных норм советского общества (варьируется характеристика одежды по таким признакам, как длинная / короткая, открытая / закрытая).

Информация о зоне «Социальные взаимодействия в советском обществе» формируется словарными дефинициями наименований одежды с типологическим при-

знаком «Субъект ношения одежды (по гендерному признаку)». Их анализ объективирует следующую информацию о данной зоне советской повседневности:

– отмечается изменение социального взаимодействия между субъектами гендерных отношений путем перераспределения социально-функциональной нагрузки на представителей полов в советском социуме (расширение гендерной маркировки одежды);

– имеют место изменение модных тенденций, появление, зарождение новых стилей и модных практик в одежде (расширение гендерной маркировки одежды).

Толковый словарь как средство описания предметных форм объективирует результаты вербализации мира вещей и мира человека и является источником информации о них. Интерпретация результатов анализа словарных дефиниций наименований одежды в толковых словарях русского языка советского периода подтверждает наличие связи сферы советской повседневности как микроуровня жизни человека с

макроуровнем – жизнью Советского государства (идеологией, культурой, эстетикой, уровнем развития технологий и пр.) и обусловленность первого вторым.

Опыт изучения вестиментарного кода, вербализованного толковыми словарями, позволяет получить информацию более глубокую, чем можно было предположить, а именно «восстановить трудноуловимую и эмоционально подвижную атмосферу времени, понять совершенно конкретные импульсы общественного поведения» [23. С. 14]. Лексикографическое описание предметов одежды является источником информации не только о собственно костюме как важнейшем элементе национальной материальной культуры, традициях ношения одежды, модных тенденциях в одежде, но и о процессах, напрямую не связанных с миром одежды, происходящих в социальной сфере, свидетельствующих об образе жизни и видах деятельности людей, эстетических и моральных стереотипах, появлении новых потребностей.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БАС – Словарь современного русского литературного языка в 17 т.

МАС – Словарь русского языка в 4 т.

НСЗ-60 – Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х гг.

СО – Словарь русского языка С.И. Ожегова

СУ – Толковый словарь русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова

ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьева С.В. Репрезентация концептосферы EVERYDAY LIFE в английской лингвокультуре позднего средневековья : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2012. 170 с.
2. Манкевич И.А. Репрезентация повседневности в текстах русской культуры : информационно-коммуникационный аспект : дис. ... д-ра культурологии. СПб., 2011. 455 с.
3. Курганова Н.И. Обыденное знание россиян и французов через призму ассоциативных полей // Известия Уральского государственного университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. Екатеринбург : Изд-во Урал. федерал. ун-та им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. 2010. Т. 85, № 6-1. С. 85–92.
4. Плетнёва Е.В. Метафора повседневности в русской и французской языковых картинах мира («Гастрономия», «Костюм», «Интерьер») : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 280 с.
5. Чулкина Н.Л. Мир повседневности в языковом сознании русских : Лингвокультурологическое описание. 2-е изд. М. : Изд-во ЛКИ, 2007. 256 с.
6. Янушкевич И.Ф. Лингвосомиотика англосаксонской культуры : дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2009. 492 с.
7. Артановский С.Н. За порогом повседневности : культура необычного // Культура и личность : сб. ст. / ред. С.Н. Иконников, Г.В. Скотникова. СПб. : СПбГУКИ, 2006. С. 117–122.
8. Пушкарёва Н.Л. История повседневности : предмет и методы // Социальная история : ежегодник, 2007. М. : РОССПЭН, 2008. С. 9–54.
9. Ионин Л.Г. Повседневность // Культурология. XX век: энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. и сост. С.Я. Левит. СПб. : Университетская книга, 1998. Т. 2. URL: <http://psylib.org.ua/books/levit01/index.htm> (дата обращения: 27.05.2019 г.).
10. Касавин И.Т., Шавелёв С.П. Анализ повседневности. М. : Канон+, 2004. 432 с.
11. Кожевников С.Б. Аксиология повседневности. Краснодар : Кубан. гос. ун-т, 2003. 246 с.
12. Лелеко В.Д. Пространство повседневности как предмет культурологического анализа : дис. ... д-ра культурологии. СПб., 2002. 321 с.
13. Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2003. 512 с.
14. Багдасарян С.Д. Сельская повседневность на Юге России в эпоху нэпа : устойчивость традиций и противоречия преобразований : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новочеркасск, 2017. 869 с.
15. Виниченко И.В. Советская повседневность 50-х – середины 60-х гг. XX века : женский костюм в моделях одежды и бытовой практике. Омск : Омск. гос. ин-т сервиса, 2010. 234 с.
16. Орлов И.Б. Советская повседневность : исторический и социологический аспекты становления. М. : Изд. дом гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 317 с.
17. Шмелькова В.В. Языковая динамика в русской лексикографии XX века // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2010. № 3. С. 54–58.
18. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М. : Гос. ин-т «Советская энциклопедия» (т. 1); ОГИЗ (т. 1); Гос. изд-во иностр. и национальных словарей (т. 2–4), 1935–1940.
19. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / под ред. В.И. Чернышёва. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1948–1965.
20. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Русский язык, 1981–1984.
21. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1991. 918 с.
22. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х гг. / под ред. Н.З. Котеловой, Ю.С. Сорокина. М. : Сов. энциклопедия, 1971. 543 с.
23. Кнабе Г.С. Древний Рим – история и повседневность. М. : Искусство, 1986. 206 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 20 марта 2020 г.

Dictionary Definitions of Explanatory Dictionaries as a Source of Information about Soviet Everyday Life (On the Example of Clothes Vocabulary)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 460, 46–54.

DOI: 10.17223/15617793/460/5

Natalia A. Sedova, Omsk State Technical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: sedova2006@mail.ru

Keywords: explanatory dictionary; Soviet daily life; clothes; dictionary definition; clothing description; comparative analysis.

The aim of this article is to explicate information about Soviet everyday life through a comparative analysis of the content of the dictionary definitions of the names of one piece of clothing in different explanatory dictionaries of the Russian language of the Soviet period. To achieve the aim, the following research methods were used: the lexicographic analysis of dictionary definitions of clothes names in explanatory dictionaries, the comparative analysis of the qualitative and quantitative content of dictionary definitions of names of one item of clothing in different explanatory dictionaries, and the interpretation of the results of the comparative analysis of dictionary definitions of clothing names. The material of the research was the explanatory dictionaries of the Russian language published in the Soviet period of Russian history: *The Explanatory Dictionary of the Russian Language* edited by D.N. Ushakov, *The Dictionary of Modern Russian Standard Language in 17 Volumes*, *The Dictionary of the Russian Language in 4 Volumes*, *S.I. Ozhegov's Dictionary of the Russian Language*. 479 nominal lexemes, naming 160 items of clothing, were selected from these dictionaries. Dictionary definitions of the names of one item of clothing from different dictionaries were compared by such typological features of clothing as “scope of use”, “subject wearing the item (by gender)”, “features of clothing style”. In the course of the comparative analysis, attention was paid to the qualitative and substantive content of the dictionary definitions of clothing names and the number of meaningful elements in their composition. As a result of the analysis, the authors have been identified dictionary definitions of clothing names whose content does not change in different dictionaries and dictionary definitions whose content transforms in terms of quality or quantity of its elements. The interpretation of the results of the comparative analysis of clothes vocabulary definitions allows reconstructing ideas about stable phenomena and dynamic processes in the zones of Soviet everyday life that are more closely related to the sphere of clothing. There are two such zones: (1) the style and way of life of Soviet people and (2) social interactions in Soviet society. The structuring of the information about Soviet everyday life, extracted from dictionary definitions, indicates the existence of a connection between the sphere of Soviet everyday life as a micro-level of human life with the macro-level – the life of the Soviet state. The lexicographic description of clothing items is a source of information not only about the costume as an element of national material culture, the traditions of wearing clothing, fashion trends in clothing, but also about the processes that are not directly related to the world of clothing, occurring in the social sphere, indicating the way of life and types of people’s activities, aesthetic and moral stereotypes, the emergence of new needs.

REFERENCES

1. Vorob'eva, S.V. (2012) *Reprezentatsiya kontseptosfery EVERYDAY LIFE v angliyskoy lingvokul'ture pozdnego srednevekov'ya* [Representation of the EVERYDAY LIFE concept sphere in the English linguaculture of the late Middle Ages]. Philology Cand. Diss. Volgograd.
2. Mankevich, I.A. (2011) *Reprezentatsiya povsednevnosti v tekstakh russkoy kul'tury: informatsionno-kommunikatsionnyy aspekt* [Representation of everyday life in the texts of Russian culture: an information and communication aspect]. Culturology Dr. Diss. St. Petersburg.
3. Kurganova, N.I. (2010) Common Knowledge of Russian and French Through the Alembic of Associative Fields. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury – Izvestia Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture*. 85 (6-1). pp. 85–92. (In Russian).
4. Pletneva, E.V. (2006) *Metafora povsednevnosti v russkoy i frantsuzskoy yazykovykh kartinakh mira (“Gastronomiya”, “Kostyum”, “Inter'er”)* [Metaphor of everyday life in Russian and French language pictures of the world (“Gastronomy”, “Suit”, “Interior”).] Philology Cand. Diss. Volgograd.
5. Chulkina, N.L. (2007) *Mir povsednevnosti v yazykovom soznanii russkikh: Lingvokul'turologicheskoe opisanie* [The world of everyday life in the linguistic consciousness of Russians: A linguoculturological description]. 2nd ed. Moscow: Izd-vo LKI.
6. Yanushkevich, I.F. (2009) *Lingvosemiotika anglosaksonskoy kul'tury* [Linguosemiotics of Anglo-Saxon culture]. Philology Dr. Diss. Volgograd.
7. Artanovskiy, S.N. (2006) *Za porogom povsednevnosti: kul'tura neobychnogo* [Beyond the Threshold of Everyday Life: Culture of the Unusual]. In: Ikonnikov, S.N. & Skotnikova, G.V. (eds) *Kul'tura i lichnost'* [Culture and Person]. St. Petersburg: Saint Petersburg State Institute of Culture. pp. 117–122.
8. Pushkareva, N.L. (2008) *Istoriya povsednevnosti: predmet i metody* [The history of everyday life: subject and methods]. In: *Sotsial'naya istoriya: ezhegodnik, 2007* [Social history: yearbook, 2007]. Moscow: ROSSPEN. pp. 9–54.
9. Ionin, L.G. (1998) *Povsednevnost'* [Everyday life]. In: Levit, S.Ya. (ed.) *Kul'turologiya. XX vek: entsiklopediya: v 2 t.* [Culturology. 20th century: encyclopedia: in 2 volumes]. Vol. 2. St. Petersburg: Universitetskaya kniga. [Online] Available from: <http://psylib.org.ua/books/levit01/index.htm>. (Accessed: 27.05.2019).
10. Kasavin, I.T. & Shchhavelev, S.P. (2004) *Analiz povsednevnosti* [Everyday life analysis]. Moscow: Kanon+.
11. Kozhevnikov, S.B. (2003) *Aksiologiya povsednevnosti* [Everyday life axiology]. Krasnodar: Kuban State University.
12. Leleko, V.D. (2002) *Prostranstvo povsednevnosti kak predmet kul'turologicheskogo analiza* [The space of everyday life as a subject of culturological analysis]. Culturology Dr. Diss. St. Petersburg.
13. Barthes, R. (2003) *Sistema mody. Stat'i po semiotike kul'tury* [The Fashion System. Articles on the semiotics of culture]. Translated from French. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovykh.
14. Bagdasaryan, S.D. (2017) *Sel'skaya povsednevnost' na Yuge Rossii v epokhu nepa: ustoychivost' traditsiy i protivorechiya preobrazovaniy* [Rural everyday life in the South of Russia during the NEP era: the stability of traditions and the contradictions of transformations]. Abstract of History Dr. Diss. Novocheboksary.
15. Vinichenko, I.V. (2010) *Sovetskaya povsednevnost' 50-kh – serediny 60-kh gg. XX veka: zhenskiy kostyum v modelyakh odezhdyy i bytovoy praktike* [Soviet everyday life in the 1950s – mid-1960s: women's costume in clothing models and everyday practice]. Omsk: Omsk State Institute of Service.
16. Orlov, I.B. (2010) *Sovetskaya povsednevnost': istoricheskiy i sotsiologicheskiy aspekty stanovleniya* [Soviet everyday life: historical and sociological aspects of formation]. Moscow: HSE.
17. Shmel'kova, V.V. (2010) *Yazykovaya dinamika v russkoy leksikografii XX veka* [Language dynamics in the Russian lexicography of the twentieth century]. *Vestnik RUDN. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost'* – *Vestnik RUDN. Education Issues: Languages and Speciality*. 3. pp. 54–58.
18. Ushakov, D.N. (ed.) (1935–1940) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya: OGIZ; Gos. izd-vo inostr. i natsional'nykh slovaryey.

19. Chernyshev, V.I. (ed.) (1948–1965) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t.* [Dictionary of the modern Russian standard language: in 17 volumes]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
20. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1981–1984) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. 2nd ed. Moscow: Russkiy yazyk.
21. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (1991) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow: Russkiy yazyk.
22. Kotelova, N.Z. & Sorokin, Yu.S. (eds) (1971) *Novye slova i znacheniya. Slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 60-kh gg.* [New words and meanings. Dictionary-reference book on the materials of the press and literature of the '60s]. Moscow: Sov. entsiklopediya.
23. Knabe, G.S. (1986) *Drevniy Rim – istoriya i povsednevnost'* [Ancient Rome: history and everyday life]. Moscow: Iskusstvo.

Received: 20 March 2020